

Отзыв официального оппонента о диссертации Максима Евгеньевича Мегема «Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Актуальность темы, выбранной М. Е. Мегемом для диссертационного исследования, не вызывает сомнений. Политические перемены, охватившие Восточную и Центральную Европу в последние десятилетия, вызвали настоящий бум изучения истории одного из крупнейших средневековых государств этого региона – Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). На фоне потрясающих успехов литовской и польской науки, несколько меньших – белорусской и украинской, довольно скромно выглядят достижения российских историков на этом поприще за указанный период. На первый взгляд это тем более удивляет, если принять во внимание активность российских дореволюционных литуанистов. Необходимой частью осмысления пройденного пути и его результатов стала работа, посвящённая дореволюционной и советской историографии Литвы. В этом заключается и научная новизна разработки темы в диссертации М. Е. Мегема: как правило, в специальной литературе дореволюционная и советская историография ВКЛ рассматриваются отдельно друг от друга, тогда как здесь они объединены в рамках одной работы.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений – диаграмм.

Во введении автор характеризует существующие исследования литературы и саму эту литературу как объект своего исследования, выделяя несколько её категорий. Объект исследования определяется следующим образом: «дореволюционная и советская историография средневековой истории Литвы XI – конца XIV вв.», и уточняется: «Под отечественной дореволюционной историографией в диссертации подразумевается комплекс трудов, написанных на русском языке в контексте русской исторической традиции» (таким образом, сюда включаются и труды, созданные в эмиграции, например Е. Ф. Шмурло или И. И. Лаппо). Автор специально оговаривается, что не намерен заниматься хитросплетениями литовской и белорусской историографий (с. 6). С таким подходом можно было бы поспорить. Историки уже задавались вопросом: куда отнести, например, труды М. В. Довнар-Запольского, который до революции писал вполне в духе «русской исторической традиции», а после революции стал основоположником белорусской историографии? Что делать с Аугустином Вольдемарасом, публиковавшимся в русской дореволюционной научной прессе, а после восстановления независимого Литовского государства занявшим пост премьер-министра? С другой стороны, один из важнейших для раннего периода трудов И. И. Лаппо, статья „Istorinė Vytauto reikšmė“

(«Историческое значение Витовта»), написана, как нетрудно догадаться по названию, на литовском языке. За рамками работы при таком подходе остаются и труды украинских советских историков – имею в виду прежде всего Ф. М. Шабульдо, которому нашлось место лишь в библиографии и примечаниях, хотя его книга 1987 г. посвящена, по сути, вхождению украинских земель в состав ВКЛ в XIV в. Столь же спорна и декларируемая здесь бóльшая степень свободы литовских советских историков по сравнению с их коллегами из РСФСР. По словам известного литовского историка Э. Гудавичюса, если выбирать между Варшавой, Москвой и Вильнюсом, то несвободнее всего было в Вильнюсе. В подтверждение этой мысли он ссылается на то, что после публикации книги В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства» на литовском языке ответственный за это чиновник лишился своей должности (*Visa istorija yra gyvenimas. 12 sakytinės istorijos epizodų. Edvardą Gudavičių kalbina Aurimas Švedas. Vilnius, 2008. P. 123, 207*). А строгий режим внутренней самоцензуры другого известного литовского историка М. Ючаса – притча во языцех среди литовских коллег. Вместе с тем обоснованной представляется верхняя хронологическая граница – 1385 г.: это позволяет полнее сосредоточиться на одном периоде (древнейшем) и отграничиться от массы другой проблематики (история права и проч.).

В разд. 1.1. «“Чужая” история Литвы в отечественной исторической науке первой половины XIX в.» рассматривается ситуация в российской исторической науке: с одной стороны, периферийное место, занимаемое Литвой в русских исторических сочинениях XVIII в., выводивших преемственность Москвы от Киева, с другой – ситуация первой половины XIX в., когда её потребовалось осмыслить после разделов Речи Посполитой. Справедливо отмечено, что образ ВКЛ восходил к польской исторической мысли, а некоторое исключение составляли историки, связанные с кружком графа Н. П. Румянцева, выходцы из земель бывшего ВКЛ – И. Н. Лобойко, И. Лелевель, И. Ж. Онацевич. Сам образ Литвы формировался под воздействием стереотипов, заложенных Яном Длугошем и повторённых Мацеєм Стрыйковским. Можно было бы отметить внутреннее противоречие этой схемы, поскольку возникает вопрос: каким образом бедный, полудикий и воинственный народ, живущий в болотах, подчинил своей власти добрую половину Руси?

В разд. 1.2 «“Русская Литва” Н. Г. Устрялова» показана связь между Ноябрьским восстанием (1830–1831 гг.) и политикой интеграции западных земель Российской империи, носившей ярко выраженный антипольский характер. Одной из составных её черт стала концепция Н. Г. Устрялова, изложенная в брошюре «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1839) и затем воплощённая в его учебниках. В этом свете несколько парадоксально звучит вывод о слабой рецепции устряловского образа Литвы как «другой Руси». Возможно, она принесла свои плоды не сразу. В любом случае этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Интересны сведения о публичном диспуте Н. Г. Устрялова со знатоком истории ВКЛ И. Ж. Онацевичем.

Весьма удачным представляется разд. 2.1: «Литовская история и концепции этнической интеграции в политическом и общественных дискурсах после восстания

1863–1864 гг. в Царстве Польском». Здесь показано, что попытки интегрировать Литву (и её прошлое) в общеимперское пространство активизировались в результате Январского восстания (1863–1864 гг.). Теперь ставка делалась не на династические связи, которые акцентировал Н. Г. Устрялов (всё-таки в Литве правила своя династия), а на то, чтобы вписать население Литвы в «большую русскую нацию» и вырвать его из объятий польской шляхты (здесь можно было упомянуть не только национальный, но и социальный аспект). Первые попытки поворота связываются с инициативой М. Н. Муравьёва, на которую откликнулся известный историк И. Д. Беляев. В результате повисает в воздухе упомянутое здесь открытие памятника «Тысячелетие России» с изображёнными на нём героями литовской истории, состоявшееся в 1862 г., до начала восстания. Концепция памятника, воплощающего триаду «Православие – Самодержавие – Народность», наводит на мысль о том, что литовские князья оказались на нём в результате следования концепции Н. Г. Устрялова.

В разд. 2.2 прослежено институциональное оформление научных школ изучения истории ВКЛ в России второй половины XIX – начала XX в. в Петербурге, Киеве и Москве; меньше повезло Одессе, деятельность учёных которой не выделена в отдельный блок. Остаётся лишь сожалеть, этот раздел носит, по сути, преимущественно дескриптивный характер: представители научных школ лишь перечислены; при этом совсем уж мало внимания уделено Д. И. Иловайскому, чьи труды многократно переиздавались и до революции, и в последние десятилетия. Фактически лишь упомянута, но не подвергнута специальному рассмотрению полемика Н. П. Дашкевича с В. Б. Антоновичем (с. 93), о которой, кстати, писал А. М. Столяров в специальной работе по историографии ВКЛ. В начале раздела хорошо отражён археографический бум, связанный с изданием источников по истории ВКЛ во второй половине XIX – начале XX в. Чтобы это замечание не повисало в воздухе, стоило бы отметить два момента. Во-первых, издаваемые источники в массе своей относились к XV–XVIII вв. и могли дать не очень много сведений о разбираемом периоде истории Литвы до 1385 г. Во-вторых, отбор этих источников сознательно был подчинён «русскому делу в Северо-Западном крае», как убедительно показал В. И. Ульяновский. Источники же по истории ВКЛ XIII–XIV вв. издавались главным образом немецкими и польскими учёными.

В разд. 2.3 рассмотрены «Основные сюжеты литовской средневековой истории (до Кревской унии) в историографии второй половины XIX в. – начала XX вв.». Отмечается, что для древнейшего периода истории Литвы историки подчёркивали её бедность и архаичность, семиотизировали пространство; вопросы образования государства их не особенно занимали, здесь акцентировались внешние факторы. Трактовка присоединения русских земель Литвой видоизменялась от завоевания к полумирному или вовсе мирному объединению. Подробно рассмотрены аспекты представлений о «русской природе Литовского государства»: численное преобладание руси; политическое, правовое и военное устройство; язык; православие – всё это оценивалось как атрибуты прогресса, заимствованные у руси. ВКЛ

признавалось «другой Русью», равноправной с Московской. По мнению дореволюционных историков, естественный ход событий – превращение Литвы в ещё одно русское государство – нарушила Кревская уния, оценивавшаяся как случайное событие (особняком стояло мнение М. К. Любавского, который подчёркивал её внутренние причины). Справедливо отмечены противоречия в её оценке: формальный союз, имевший губительные последствия. При этом обстоятельства её заключения историков особо не интересовали.

В разд. 3.1 «Советская историография средневекового литовского прошлого» показана дезактуализация литовской истории после революции, когда признанные специалисты вынуждены были эмигрировать, сменить область научных интересов или пострадали от новой власти, и возвращение к этой тематике, которое автор справедливо связывает с включением Литвы в состав Советского Союза, – от популярных брошюр и рецензий к занявшему почётное место труду В.Т. Пашуто «Образование Литовского государства». Его работа на этом поприще получила довольно слабое продолжение: хотя он, как подчёркивает автор, и положил начало школе изучения иностранных источников по истории Восточной Европы (с. 165–166), – труды его учеников и изданные ими источники касаются Литвы в ничтожно малой степени.

В гл. 3.2 рассмотрены основные сюжеты средневековой литовской истории в советской историографии – «становление Литовского раннефеодального государства»; «исторические корни дружбы литовского и русского народов»; «совместная борьба Литвы и Руси против «натиска на восток»; «захват литовскими феодалами русских, белорусских и украинских земель Руси».

В заключении сопоставляются сюжеты русской дореволюционной и советской историографии ранней истории Литвы. Автор справедливо заключает, что дореволюционная историография отличалась в этом отношении большей целостностью и плюрализмом мнений. И лишь в последнем абзаце звучит мысль об инструментализации истории ВКЛ. Иными словами, само по себе, как самоценный и самодостаточный объект исторического исследования, оно никого не интересует. На мой взгляд, этот вывод напрашивается на протяжении всего исследования.

В приложении представлены статистические данные о количестве публикаций и диссертаций по средневековой истории Литвы. Эти материалы хорошо показывают всплеск интереса к ней сразу после восстания 1863–1864 гг. и включения Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы в состав СССР в 1939–1940 гг. Также наглядно представлены научные школы изучения литовской истории – их поколения «научные генеалогии» учителей и учеников.

Отмечу некоторые недостатки диссертации. За пределами авторского внимания остались объёмистые и основательные специальные исследования Катажины Блаховской «Wiele historii jednego państwa: Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku» (Warszawa, 2009) и В. А. Василенко «Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях

XIX – першої третини XX ст.» (Дніпропетровськ, 2006). Лишь двух упоминаний удостоилась кандидатская диссертация А. М. Столярова «История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX века» (Казань, 2008), хотя ему принадлежит ряд статей по этой теме и книга «Социально-политическая история Великого княжества Литовского в российской историографии XIX – начала XX века» (Казань, 2016). На её страницах создана живая и объёмная картина развития российской литуанистики до начала XX в., причём охвачены работы, посвящённые истории Великого княжества Литовского вплоть до Люблинской унии 1569 г. Сравнение рассматриваемой диссертации с этим трудом напрашивается само собой, однако в ней мы не найдём полемики с А. М. Столяровым или ссылок на его выводы. Уместно было бы упомянуть и книгу И. А. Марзалюка «Міфы “адраджэнскай” гістарыяграфіі Беларусі» (Магілёў, 2009). Из не столь значительных упущений стоит отметить статью М. М. Крома (Великое княжество Литовское в российской историографии XIX – XX вв. // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės tradicija ir tautiniai naratyvai. Vilnius, 2009. P. 177–192), а также рецензию Ежи Охманьского на книгу В. Т. Пашуто, содержащую очень предметную критику (Uwagi o litewskim państwie wczesnofeudalnym // Roczniki Historyczne. R. 27 za 1961 r. Poznań, 1961. S. 143–160).

На мой взгляд, одна из исследовательских задач, сформулированных в начале работы: «Охарактеризовать историографическую ситуацию, в которой творили дореволюционные и советские ученые, апеллировавшие в своих работах к литовскому прошлому» – осталась в тени другой: «Показать связь между общественной, внутри- и внешнеполитической ситуацией, национальной политикой Российской империи, Советского Союза и подходами учёных к осмыслению и описанию истории Литвы». Очень мало внимания уделено именно историографическому, шире – интеллектуальному контексту изучения истории ВКЛ: это и идея «национального духа», и общинно-вечевая/земско-вечевая теория, воплотившаяся в работах Ф. И. Леонтовича, который рисовал картину смены исконно русского идиллического социального единства губительными польскими сословными порядками. Гораздо больше стоило бы сказать не только об *образах* литовского прошлого, возникавших под пером историков, но и о *путях их формирования* – иными словами, на какие источники опирались эти историки? На этот счёт мы найдём в работе лишь отдельные замечания – о воспринятом русской историографией образе литовцев у Длугоша и Стрыйковского или об активной публикации источников во второй половине XIX – начале XX в. (впрочем, как уже говорилось, не поясняется, что это за источники и что они дают для изучения истории ВКЛ).

Каждой национальной исследовательской традиции присущ тот или иной специфический язык, который стоило бы отразить. Однако отношение автора к языку разбираемых им трудов – и, соответственно, к тем концепциям, которые описываются этим языком, – зачастую остаётся непонятным. Так, он неоднократно пишет о Литовско-Русском государстве, то в кавычках, то без них. Что это – дань особенностям тогдашней научной терминологии или равноправный с

Великим княжеством Литовским термин? Автор не пытается разобраться, когда, кем и в каком труде, а шире – в какой обстановке этот искусственный термин был введён в научный оборот. Между тем, согласно выкладкам М. М. Крома, термин «Литовско-Русское княжество» имеется уже в учебнике Н. Г. Устрялова (1837), «Литовско-Русское государство» – в труде М. Ф. Владимирского-Буданова «Немецкое право в Польше и Литве» (1868). То же самое относится и к концепциям. Так, приводятся слова, которыми описывалось присоединение русских земель к Литве, но в итоге непонятно, какой точки зрения придерживается сам автор. Прояснить этот вопрос помогли бы хотя бы краткие экскурсы в современную историографию. Они бы позволили оттенить некоторые выводы. К примеру, на фоне оживлённых дискуссий о генезисе и содержании Кревской унии в польской и литовской историографиях XX – начала XXI в. стало бы ясно, сколь мало на самом деле сделала в этом отношении русские историки, более того – сколь мало их интересовала эта тема, что совершенно справедливо отмечает и сам автор (с. 147).

Имеется в работе и ряд неточных или даже ошибочных утверждений, но касаются они не столько самого предмета исследования – историографии – сколько собственно истории Великого княжества Литовского. Так, уже в первом абзаце введения читаем, что «в XIV в. литовские властители начали присоединять территории русских княжеств» (с. 3), хотя начался этот процесс уже в XIII в.: классический пример – судьба Новогрудка, Слонима и Волковыска, получивших впоследствии имя «Чёрной Руси». В одном месте Владимир Терентьевич Пашуто назван Виталием Терентьевичем (с. 13), Сергей Александрович Бершадский – Берштадским (с. 95), Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов получил инициалы «М.В.» (с. 113, 123, 128), а Иосиф Виссарионович Сталин – «И.Ф.» (с. 189). Имунитетные права феодалов оказались «имунными» (с. 192). По словам автора, «в 1928 г. был опубликован лишь один том из четырехтомной коллекции документов Литовской метрики, подготовленной к изданию еще до революции. Следующий том вышел только в 1980-е гг.» (с. 155–156). В 1928 г. в качестве 2-го тома «Белорусского архива» действительно была опубликована 16-я книга записей Литовской метрики, важная для истории Полоцкой и Витебской земель, однако издание Метрики в виде целостных исторически сложившихся комплексов – отдельных книг или их объёмных частей – возобновилось лишь с публикацией Эгидиусом Банёнисом второй («дипломатической») половины 5-й книги записей. Едигей, совершивший разорительный набег на Северо-Восточную Русь в 1408 г., был не ханом (с. 144), но всего лишь эмиром, пусть и очень могущественным. Далекое не все исследователи разделяют идентификацию Сауле, места битвы 1236 г., с современным городом Шауляй.

Эти замечания, однако, не умаляют заслуг диссертанта и не отменяют того факта, что диссертация М. Е. Мегема представляет собой самостоятельное завершённое исследование научной проблемы, в котором содержится решение поставленных автором исследовательских задач, имеющим существенное значение для историографических исследований в современной исторической науке.

Диссертация М. Е. Мегема «Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии» является научно-квалификационным исследованием, соответствующим п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 28.08.2017), а диссертант заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук
Сергей Владимирович Полехов,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук,
старший научный сотрудник
Почтовый адрес: ул. Дмитрия Ульянова, д. 19,
117292, г. Москва, Российская Федерация
Тел. +7 (499) 126-94-49

4 декабря 2018 г.

